

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ В БЕЛАРУСИ, РОССИИ, ПОЛЬШЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Инвентаризация теоретических трудов по славянскому сопоставительному терминоведению показала, что в современном языкознании нет его систематизированного описания по основным направлениям исследования. Отдельные сведения о научных изысканиях в этом плане в том или ином терминоведческом пространстве славянской языковой культуры встречаем, например, в статьях русских и украинских языковедов, которые теоретические вопросы терминологии изучали в таких аспектах: сопоставительном (В.М. Лейчик) [1], инженерно-лингвистическом и переводческом (Ф.А. Циткина) [3; 4], сопоставительно-сравнительном (П.А. Селигей) [2].

Обобщая опыт теоретических изысканий в общем и отраслевом сопоставительно-сравнительном терминоведении славянских стран начала XXI в., особое внимание обратим на опыт Беларуси, России и Польши, попытаемся его систематизировать по основным направлениям, среди которых выделяем следующие:

1) *парадигмальное направление* как развитие:

а) *системно-структурного / традиционного отраслевого терминоведения*:

- *сопоставительно-синхронного*, например, в трудах белорусской исследовательницы М.Г. Антонюк («Белорусская и русская терминология права (сопоставительный аспект)», 2008), русских исследователей Н.А. Переплетчиковой («Сопоставительное исследование терминологических систем по электронике и электротехнике: на материале французского и итальянского языков», 2007), О.А. Казачковой («Сопоставительный анализ терминологии «Художественная обработка металлов» в английском и русском языках», 2005) и др.;

- *сопоставительно-синхронно-диахронного*, например, в трудах белорусской исследовательницы Е.П. Любецкой («Немецко-белорусская лексикография XX ст. и формирование белорусской терминологии», 2004); русских исследователей К.В. Михайловой («Особенности формирования физической терминологии в английском и русском языках: на примере лексико-семантического поля «физика элементарных частиц», 2008), Н.В. Ушковой («Особенности формирования терминологии «рельеф земной поверхности» в английском и русском языках», 2007) и др.;

- *сопоставительно-сравнительного*, преимущественно в трудах русских терминоведов, например, Х.Н. Галимовой («Асимметрия профессионально маркированной лексики: на материале русского и английского вариантов профессионального подязыка железнодорожного транспорта», 2008), А.Н. Зариповой («Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках», 2004) и др.;

- *сопоставительно-типологического* в трудах преимущественно русских исследователей, например, Л.П. Широковой («Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков)», 2007);

б) *функционального отраслевого терминоведения*, в частности:

- *сопоставительно-синхронного*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, Д.А. Маслова («Военная терминология современного японского языка в функционально-сопоставительном аспекте», 2002), М.Б. Казачковой («Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: на материале русского и английского вариантов профессионального языка авиации», 2008 – [этно] культурологический аспект) и др.;

- *сопоставительно-переводческого*, например, в диссертации русской исследовательницы М.В. Оганесян («Сопоставительно-переводческий анализ английской и русской медицинской терминологии по генетике», 2003) и др.;

- *сопоставительно-коммуникативного*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, М.И. Косарева («Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в политической коммуникации Германии и США», 2008), Е.В. Шевченко («Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик (на материале языка художественных и публицистических произведений)», 2003) и др.;

- *сравнительно-исторического*, например, в диссертации русской исследовательницы Н.Н. Лыковой («Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков», 2005) и др.;

- *сопоставительно-сравнительного*, например, в диссертации русской исследовательницы К.В. Лушниковой («Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (на материале русского, английского и французского языков)», 2003 – исторический аспект) и др.;

в) *когнитивного (общего и отраслевого) терминоведения*:

- *сопоставительно-синхронного*, например, в диссертации русской исследовательницы Е.В. Трушиной («Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках)», 2005) и др.;

- *сопоставительно-дискурсивного*, например, в трудах белорусской исследовательницы А.А. Месячик («Семантика слова в контексте политического дискурса: (на материале текстов выступлений британских и американских политических деятелей)», 2008); русских исследователей Е.В. Афанасенко («Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков)», 2006), Л.Я. Зятьковой («Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ)», 2003) и др.;

- *сопоставительно-типолого-дискурсивного*, например, в диссертации русской исследовательницы Е.Н. Ковязиной («Семантико-типологический аспект метафоризации в философском дискурсе (на материале русского и английского языков)», 2012) и др.;

- *сопоставительно-лингвоконцептологического*, например, в диссертации белорусской исследовательницы О. И. Десюкевич («Концепт «профессор» в русской и белорусской литературе XX в.», 2002); в трудах русских исследователей С. М. Шевченко («Концептуальная структура терминосистем современного гражданского права в английском и русском языках», 2006), О. О. Клименко («Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах», 2004) и др.;

- *сопоставительного лингвоконцептологически-дискурсивного*, например, в диссертации М. Н. Федуловой («Прагмо-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков)», 2010) и др.;

- *сопоставительного компьютерного терминоведения*, в частности *компьютерной терминографии*, например, в диссертации польского исследователя Я. Валинского («Поиск терминов в сопоставительных языковых корпусах», 2001 – теоретико-прикладной аспект), русской исследовательницы Н. А. Бондаревой («Прикладные аспекты моделирования терминологии (на материале терминосистем уголовного права в русском и английском языках)», 2003 – лингвотехнологический аспект + автоматизированный словарь) и др.;

2) *кросс-парадигмальное направление*, в частности:

а) *структурно-функциональное терминоведение*:

- *сопоставительно-синхронное*, например, в трудах польского исследователя М. Левандовского («Язык футбола: английско-польское контрастивное исследование», 2013), русских исследователей Ю. Н. Ревиной («Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты», 2011),

С. А. Ивановой («Семантизация термина в научно-учебном тексте: на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках», 2007 – лингводидактический аспект) и др.;

- *сопоставительно-синхронно-диахронное*, например, в трудах польской исследовательницы Б. Попиолек («Анатомическая хорватская и сербская терминология: ее становление и функционирование в современных языках», 2003), русского исследователя И. С. Петренко («Сопоставительный анализ формирования терминологии бытовой техники в лингвокультурологическом аспекте: на материале лексики английского и русского языков», 2008 – исторический аспект) и др.;

- *сопоставительно-сравнительное*, представленное, например, трудами белорусской исследовательницы Г. А. Гвоздович («Грамматическая терминология русского и белорусского языков: истоки, структура, функционирование», 2008 – исторический аспект), русских исследователей Е. В. Шиловой («Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе», 2005), А. В. Ивкиной («Особенности образования и перевода терминов в английском, французском и русском языках: на материале предметной области «Телекоммуникация» и подобласти «Телефония», 2004 – переводоведческий аспект) и др.;

- *сопоставительно-коммуникативное*, преимущественно в трудах русских исследователей, например, И. П. Ивановской («Терминологизация как функция языка и культуры: системно-языковые, социально-культурные и функционально-коммуникативные характеристики русско- и англоязычных терминов налогового права», 2009 – социокультурный аспект) и др.;

б) *функционально-когнитивное / когнитивно-функциональное (отраслевое) терминоведение*, в частности:

- *сопоставительно-синхронное*, например, представленное в диссертациях белорусской исследовательницы Г. В. Карпук («Контактоустанавливающая функция языка в судебном дискурсе: на материале выступлений русских и американских адвокатов», 2006), Е. В. Лавренко («Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе: (на материале британского и американского вариантов английского языка)», 2008) и др.;

- *сопоставительно-дискурсивное* (его также рассматривают как парадигмальное проявление *когнитивного терминоведения*), например, в трудах русских исследователей Р. Г. Козлова («Функционально-семантический статус политического дискурса во французском и русском языках», 2006), О. М. Тютюновой («Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач», 2008 – коммуникативный аспект) и др.

Таким образом, сопоставительное (преимущественно отраслевое) терминоведение начала XXI века в России, Беларуси, Польше представлено такими направлениями: 1) парадигмальным – системно-структурным / традиционным (42,5%), функциональным (10%) и когнитивным (17,5%); 2) кросс-парадигмальным – структурно-функциональным (20%), функционально-когнитивным / когнитивно-функциональным (4,2%), проблематику которых определяет более 20 аспектов его развития преимущественно в русском языковом пространстве.

Литература

1. Лейчик, В. М. Основные положения сопоставительного терминоведения / В. М. Лейчик // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 1988. – С. 3–10.
2. Селігей, П. О. Пуризм у термінології: український досвід на європейському тлі / П. О. Селігей // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 49–67.

3. Циткина, Ф. А. Теоретические и инженерно-лингвистические основы сопоставительного терминоведения: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ф. А. Циткина. – Военный ин-т. – Ужгород, 1988. – 433 с.
4. Циткина, Ф. А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения) / Ф.А. Циткина. – М.: Высшая шк., 1988а. – 157 с.

Л.Т. Килевая (Казахский национальный педагогический университет имени Абая)

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН ВОЗВРАТНОСТИ / НЕВОЗВРАТНОСТИ ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Современная парадигма лингвистического знания, основанная на принципе антропоцентризма, провоцирует переосмысление устоявшихся в языкознании лингвистических постулатов. Сомнению, на наш взгляд, подлежит деление на группы славянской языковой ветви, произведенное в рамках традиционной, или формальной, парадигмы, для которой характерно профилирование формы языкового знака, то есть плана выражения. Определенная необоснованность интерпретации языковых фактов в этом контексте обнаруживается в отнесенности к единой восточнославянской ветви русского, белорусского и украинского языков, поскольку данная классификация была произведена главным образом на фонетической основе. Не исключается и роль геополитического фактора, способствующего учету древних исторических и территориальных корней становления восточнославянской народности периода Киевской Руси. Анализ лексических и грамматических характеристик современных русского, белорусского и польского языков с точки зрения языковой ментальности, реликтовости языковых черт, результаты которого представлены в ряде предыдущих наших работ, свидетельствует о большей приверженности белорусского и украинского языков польскому, нежели русскому языку. Это обосновывает целесообразность объединения белорусского, украинского и польского языков в единую группу в пределах славянской ветви. При этом больше общих лексических и грамматических черт отмечается в польской и украинской языковых системах. Белорусский язык, согласно проанализированным на данный период времени материалам, можно интерпретировать как своеобразный мост между обозначенной группой и русским языком. Не случайно, по Н.С. Трубецкому, специфика белорусского феномена заключается в том, что в истории своего развития в контексте общерусской культуры как некоей абстракции конкретно-национальное «белорусское русло тоже всегда существовало, но всегда было слабее» в отличие от малорусского, то есть украинского, русла [1; 369].

Очевидна, однако, гипотетичность выдвигаемого тезиса, равно как и необходимость дальнейших изысканий в области сопоставления славянских языков с учетом комплекса исторических, когнитивных, ментальных, конфессиональных, дискурсных и собственно языковых фактов. В настоящем докладе представлен один из фрагментов исследования на пути решения обозначенной проблемы, а именно соотношение возвратности/невозвратности глагола в белорусском, русском и польском языковом менталитете. Языковой менталитет – способ проявления духовности носителя языка в языковой системе.

Оппозиция возвратности/невозвратности как составляющей семантической категории залоговости сформировалась в результате классификации действия по способу его осуществления относительно субъекта. Выразителем перехода осуществляемого субъектом действия на самого себя, иными словами возврат действия на его производителя, является постфикс *-ся* – в русском языке, *-ца* – в белорусском языке и компонент *się* – в польском языке. Единым источником обозначенных компонентов на этапе развития праславянского языка, как известно, является форма винительного падежа возвратного местоимения *себя*, представленного древнерусской языковой системой в